

ПРАВО НА ИМЯ

ЦЕНА ДОРОГИ

ТОМ II

ИЛЬЯ ФИЛАТОВ

Илья Филатов

Цена дороги

«Автор»

2026

Филатов И.

Цена дороги / И. Филатов — «Автор», 2026

Двенадцатилетний Маттис Крузе уже отвоевал право на собственное дело. Теперь ему нужна дорога, которая не зависит от прихоти отца, городского совета или чужой заставы. Но путь на восток проходит через долги, подменённые грузы, засады и людей, привыкших наживаться на чужом страхе. Бывшие школьные враги предлагают помощь — каждый по своей цене, союзники всё чаще спорят с Маттисом, а взрослые противники по-прежнему видят в нём лишь дерзкого мальчишку. У него есть память человека из другого времени, опыт военного и знание приближающейся войны. Но даже самый точный расчёт ничего не стоит, если дорогу некому защищать. Чтобы обрести свободу, Маттису придётся понять: настоящая цена пути измеряется не серебром.

© Филатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Дорога замечает хозяина	5
Глава 1. Три поездки	5
Глава 2. Лёгкая бочка	20
Глава 3. Чужой обруч	25
Глава 4. Две даты	30
Часть вторая. Равная рука	33
Глава 5. Равная рука	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Филатов

Цена дороги

Часть первая. Дорога замечает хозяина

Глава 1. Три поездки

Нарва, весна 1549 года

Право проехать без досмотра оказалось дороже груза, ради которого нам его выдали.

Перед отъездом я запер красный ларец матери. На нескольких старых приложениях стояла маленькая отметка из трёх башен. Я принял её за знак ревельского порта и тогда не стал разбирать отдельно.

Поверх ларца лежала моя карта. Нарва, Псков, Ревель; между ними места, где можно сменить лошадь, поесть, переждать воду. Возле Нарвы я поставил две даты: нынешний год и 1558-й. Потом вторую стёр.

До войны оставалось девять лет. Я помнил её начало, падение Нарвы, соседей, которые будут рвать Ливонию каждый в свою сторону. Не помнил, когда придёт первый обоз с беженцами и какой дом загорится раньше нашего. Такие подробности история мне не обещала.

В первой жизни я умел строить маршрут для чужой задачи. Здесь следовало впервые выбрать свою. Я хотел, чтобы к тому времени у нашей семьи был выход: деньги вне одного сундука, люди по обе стороны границы, дорога, которую нельзя закрыть одним ключом. Чтобы Гаврила, Павел с матерью, Тённый, даже Бруно — со всеми его прекрасными привычками — могли уехать, если город станет ловушкой.

Никому я не собирался объявлять девять лет непрерывной тревоги. Да и сам жить в ней не хотел. Мне было двенадцать, я только получил свою долю и намеревался успеть ею попользоваться.

Маттис Крузе, двенадцать лет. Начало большой дороги.

Для начала требовалось совсем определённое приобретение: запасная смена лошадей, за которую уже заплачено. Не просьба к отцу в плохой день. Не милость Каппеля. Потом — свой выход к воде. Ни слова об этом в дорожной книге пока не было: сначала нужно было заработать на первую смену.

У городских ворот нас пропустили без привычного ожидания. Стражник даже не ткнул копьём в бочки. Он сверил зарубку на дощечке с записью в своей книге, зевнул и махнул рукой: — «Крузе и Панкратьев». Первая из трёх. Проезжайте.

За воротами возчики заулыбались. Один перекрестился. Другой потрогал кошель, где уже лежала половина платы. Обычно досмотр отнимал час, иногда два, а если проверяющему не нравилось лицо хозяина или толщина его кошель — половину дня. Сегодня девять телег прошли за время, необходимое воротному писцу, чтобы обмакнуть перо.

Гаврила ехал рядом со мной. Он дождался, пока башня останется позади, и спросил:

— Доволен?

— Нет.

— Тогда лицо поправь. Люди решили, что мы везём покойника.

Я оглянулся. На первой телеге сидел Тённис Рауд и старательно не показывал радости. Получалось плохо. За полтора года он вытянулся всего на палец, зато плечи стали шире: работа в бондарной мастерской росла быстрее её работников. Рядом Павел прижимал к груди дорожную книгу, завернутую в промасленную ткань. Дитер устроился на последней телеге, будто был владельцем всего обоза и разрешал нам пользоваться им из дружбы.

Павел и Тённис ехали по своим договорам. Дитер признавал только сделки, в которых успел поторговаться. За полтора года мы перестали быть сторонами одной школьной драки, но друзьями себя не объявляли.

Никто из них прежде не выезжал дальше монастырского двора. Я взял мальчишек не ради разведки. После истории с мельницей Гаврила запретил любые опасные поручения детям, и я согласился. Тённис должен был принять псковский воск, Павел — сверить записи, Дитер — считать пустые бочки. Последнее занятие он называл унижительным, поэтому получил за него двойную медь.

— Я доволен, — сказал я дяде. — Просто хочу понять, почему нас пропустили так легко.

— Потому что у тебя есть отметка совета.

— Которую мы получили после того, как отказались от запрещённого железа.

— Иногда честность приносит пользу.

— Один раз. Если второй раз рассчитывать на ту же награду, это уже не честность, а торговая операция.

Гаврила посмотрел на меня сбоку.

— Всё-таки доволен.

— Очень.

Он рассмеялся, и люди на телегах немного расслабились. Я тоже позволил себе улыбнуться. За воротами начиналась наша дорога. Не вся — только двенадцать вёрст настилов, договоров и мелких сборов, но ещё два года назад здесь была размытая колея, которой возчики избегали после дождя. Теперь монастырские люди чинили канавы, Рауды поставляли доски, а с каждой прошедшей телеги товарищество получало медь.

Первая поездка по новой отметке должна была быть простой. Мы везли в Псков соль, недорогую ткань и железные скобы. Никаких клинков, пушечных частей или мастеров, которых можно принять за оружейников. В Пскове меняли груз на воск, кожи и два заказа для нарвских ремесленников. Прибыль ожидалась скромная. Главным товаром был не груз, а дове-

рие: если мы возвращались в срок, московский купец Фёдор Нечаев обещал отправлять с нами одну партию из четырёх.

Первый день прошёл слишком хорошо.

Лошади держали ровный шаг, настилы у монастырских земель выдержали все девять телег, а на развилке нас ждал человек управляющего и показал объезд разлившегося ручья. К вечеру возчики перестали оглядываться на каждый куст. Дитер начал насвистывать. Павел достал дорожную книгу и в третий раз пересчитал расходы, хотя за день мы заплатили только один сбор.

— Не ищи пропавшие деньги, — сказал ему Дитер. — Они ещё не успели пропасть.

— Поэтому и считаю сейчас.

— Считать надо потом. Вдруг не пропадут — зря работал.

Павел задумался над этой логикой дольше, чем она заслуживала.

— Если ты когда-нибудь станешь купцом, — решил он, — я спрячу от тебя свою мать.

— Зачем мне твоя мать?

— Она поверит, что ты вернёшь деньги потом.

С передней телеги донёсся смех. Дитер обиделся и до следующего привала молчал, что оказалось первой чистой прибылью нашей поездки.

Мы ночевали в постоялом дворе у старой часовни. Я заранее видел его в списке Гаврилы: ограда, колодец, стойло на двенадцать лошадей, хозяин по имени Меэлис и две дочери, которые слышали все дорожные новости раньше городских писцов. В действительности ограда доходила мне до груди, в колодце плавала мёртвая мышь, а в стойле уже стояли восемь чужих коней.

— В книге было написано «надёжный двор», — напомнил я.

— Был надёжным, когда я писал, — ответил Гаврила.

— Когда?

— Лет пять назад.

— Понятно. Свежая разведка.

— Мышь свежая.

Хозяин услышал последнее и обиделся. Меэлис оказался широким мужчиной с мокрой бородой и привычкой отвечать на любой вопрос встречным обвинением.

— Вода чистая, — заявил он. — Вчера пил.

— Мышь? — спросил Дитер.

Гаврила успел поймать хозяина за локоть, а Дитера — за ворот. Иначе первая дорожная стычка нашего товарищества началась бы из-за дохлого зверька и живого языка.

Воду набрали из ручья выше двора. Телеги поставили в два ряда так, чтобы никто не мог подойти к грузу со стороны дороги. Старший возчик Яан Корс назвал предосторожность лишней, однако спорить не стал: за ночное дежурство мы платили отдельно.

Я обошёл ограду вместе с Гаврилой. Земля возле задней калитки была вытоптана. Следы вели от стойла к кустам и обратно.

— Воры? — спросил я.

— Слуги бегают к дочери хозяина.

— Уверен?

— Нет.

— Тогда почему сказал?

— Потому что один след босой, второй в сапоге, а под кустом лежит женская лента. Если это воры, у них сложная служба.

Он поднял с травы выцветшую тесьму и привязал к щеколде калитки. Любой, кто откроет её ночью, сорвёт ленту.

— Вот теперь у нас сигнализация? — спросил я.

— Теперь у нас кусок тряпки.

— Надо Павлу сказать, пусть запишет расход на охрану. А то подумает, что тряпку зря порвали.

— Скажи ещё, что ленту нашёл я. Пусть не тебе платит.

— Ты же родственник.

Гаврила потянул тесьму, проверяя узел.

— Вот за это с родственников и надо вперёд брать.

Я поставил на первую вахту двух охранников, на вторую — Гаврилу и себя. Дядя вычеркнул моё имя.

— Ты спишь.

— Я владелец груза.

— Ты двенадцатилетний владелец груза, который завтра свалится с седла.

— В мои годы Александр Македонский уже наверняка что-нибудь завоевал.

— Завоюй одеяло.

Возразить было нечего. В сенях нам отвели место на полу. Тённый лёг возле стены, Павел — рядом с дорожной книгой, спрятанной под рубахой. Дитер повертелся, пожаловался на солому, запах, храп возчиков и несправедливость мира, после чего заснул первым.

Я проснулся среди ночи от руки на плече.

Павел сидел рядом, белея лицом в темноте.

— За окном кто-то ходит, — прошептал он.

Я услышал скрип доски, потом тихий удар металла. Сон исчез. В первой жизни после такого звука рука тянулась к оружию раньше, чем открывались глаза. Здесь рука нашла только короткий нож у тюфяка, а ноги запутались в одеяле.

Паршиво. Особенно для великого завоевателя.

Я высвободился, жестом велел Павлу разбудить Тённого и пополз к двери. На дворе горел один фонарь. Возле телег двигалась тень.

Гаврила стоял за углом конюшни и показывал не выходить. Я замер.

Тень приблизилась к третьей телеге, подняла край промасленного полога и просунула руку к грузу. Дядя шагнул из темноты, схватил незнакомца за запястье и вывернул так быстро, что тот оказался лицом на колесе.

— Не бейте! — взвизгнул голос. — Я только посмотреть!

Из дверей двора выбежал хозяин в длинной рубахе. За ним появилась старшая дочь с распущенными волосами.

— Калев! — закричала она.

Сложная служба получила имя.

Калев оказался конюшим соседнего помещика и действительно приходил не за воском. Свидание назначили у телег, потому что Меэлис запирает дочерей на ночь. Молодой человек полез под полог, услышав шаги, и попытался спрятаться среди бочек.

Хозяин требовал выдать ему виновного. Дочь требовала оставить Калева в покое. Калев хотел жениться, но произнёс это настолько тихо, что пришлось переспросить. Через четверть часа весь двор обсуждал приданое, работу конюшего и нравы молодых людей.

Я вернулся на солому.

Павел не лёг.

— Ты не испугался? — спросил он.

— Испугался.

— Не похоже.

— Это потому, что было темно.

Он помолчал, прислушиваясь к спору во дворе.

— Раньше ты на Юргена так не смотрел, — сказал Павел. — Всё ждал, когда он отстанет. А тут сразу к двери.

Я придержал нож, прежде чем Павел успел заметить, как дрожат пальцы. Калев во дворе наконец заговорил громче: обещал взять дополнительную работу. Дочь хозяина перебивала — не о работе сейчас речь.

— У двери стоял Гаврила. Я видел его сигнал.

— Ещё до того, как увидел, ты уже полз туда.

Сказать «дядя научил» было проще всего. Но Павел видел, как дядя учил: после занятий я шипел над сбитыми костяшками и уставал раньше него. Одной наукой эта перемена для него не объяснялась.

— После реки мне надоело ждать, пока за меня решат, что со мной делать, — сказал я. Это хотя бы было правдой.

Павел поправил солому под головой.

— Мать говорит, ты ещё от страха не отошёл. Поэтому и носишься.

— Очень возможно.

— А Тённый говорит, Гаврила тебе разрешил злиться.

Я чуть не рассмеялся. Вот уж разрешение, которое стоило выдать пораньше.

— Тённый проницательный. Только ты к двери за мной не ползи. Даже если я выгляжу очень умным.

— Ты сейчас в одеяле запутался. Я видел.

Пришлось признать, что авторитет командира понёс невосполнимую потерю.

— Я сначала подумал про разбойников. Потом про людей Каппеля. Потом решил, что надо разбудить тебя. Гаврилу было дальше.

— Правильно решил.

— А если бы там правда были разбойники?

— Разбудил бы остальных, пока они били меня.

— Ты шутишь.

— Наполовину. В следующий раз сначала буди ближайшего взрослого с оружием. Я могу понять, что происходит. Остановить взрослого человека одной рукой пока не могу.

Павел кивнул, но легче ему не стало.

— Мама сказала, что дорога меня испортит.

— Почему?

— Начну пить, воровать или не вернусь. Она знает троих, с кем случилось всё сразу.

Я не нашёл подходящей шутки. Мать Павла отпустила единственного сына, потому что плата за поездку равнялась её месячному заработку. Для меня это была учебная дорога. Для неё — ожидание, которое закончится только с нашим возвращением. В любой из этих дней могли принести чужую рубаху и сказать, что тела не нашли.

— Я обещал вернуть тебя, — сказал я.

— Ты не можешь обещать за разбойников.

— Не могу.

— За лошадь тоже.

— За неё особенно.

Павел наконец лёг.

— Тогда зачем обещал?

Потому что мне требовалось его согласие. Потому что взрослые командиры обещают возвращение перед операцией, хотя знают цену словам. Потому что признаться матери Павла в собственном бессилии я не сумел.

— Чтобы она позволила тебе поехать, — ответил я.

Он повернулся ко мне спиной.

— Это был плохой ответ.

— Зато честный.

— От этого не лучше.

До утра я больше не уснул.

На второй день дорога поднялась на сухой сосновый гребень. На третьем мы миновали два мелких сбора. Первый пошлинник сверил бумагу, пересчитал телеги и пожелал доброго пути. Второй нашёл в книге дополнительную плату «за сохранность настила после зимы».

— Настил принадлежит монастырю, — сказал я. — Мы уже заплатили управляющему.

— Этот участок принадлежит владельцу мызы.

— Тогда покажите границу участка и его печать.

Пошлинник ткнул грязным пальцем в запись.

— Здесь всё написано.

Павел встал рядом и развернул нашу копию соглашения. Руки у него дрожали, но нужное место он нашёл сразу.

— Здесь написано, что сбор на участке до каменного креста входит в общую плату, — произнёс он. — Крест в двух вёрстах впереди.

— Ты читать умеешь? — удивился пошлинник.

— Для этого и взяли.

— Я не тебя спрашиваю.

Павел покраснел и отступил. Я положил ладонь на край его книги, не позволяя закрыть.

— Но ответил он правильно. Если у вас есть более новая запись, покажите её. Мы внесём плату и имя человека, который её принял. Если нет — проедем.

За телегами собрались ещё два обоза. Возчики начали кричать, чтобы мы либо платили, либо убирались с дороги. Пошлинник посмотрел на Гаврилу, на четырёх охранников и на раскрытую книгу.

— Проезжайте, — буркнул он. — Из-за медяка подняли шум.

— Именно из-за медяка, — ответил я. — Шейкель вы бы взяли молча.

Отъехав, Павел вытер ладони о штаны.

— Он мог нас задержать.

— Мог.

— Тогда почему не заплатили?

— Потому что через месяц он попросил бы два медяка, а через год показал бы нашу первую запись как признание его права.

— Из-за одного медяка?

— Большие долги любят маленькие двери.

— То есть? — Павел придержал книгу на коленях: телегу тряхнуло на корне.

— Первый раз возьмёт медь, потом назовёт её обычаем. Мы ещё будем спорить, а он уже покажет наш платёж. И он решил, что тебя легче заткнуть, чем меня. Это мне тоже не понравилось.

Павел посмотрел на меня внимательнее.

— Вот это лучше.

На четвёртый день пошёл дождь. Сначала мелкий и терпеливый, потом тяжёлый. Дорога размокла за час. Колёса прорезали колею, лошади опустили головы, вода стекала за ворот и сапоги. Я промок раньше, чем успел признать бесполезность плаща.

Тённый спрыгнул со второй телеги прямо в грязь.

— Стойте!

Ян натянул вожжи.

— Что ещё?

— Левая ступица греется.

— В такой воде?

— Потрогай.

Возчик нехотя слез. Приложил ладонь, выругался и позвал брата. Колесо сняли под дождём. Деревянная втулка пошла тонкой трещиной, а смазку размыло.

— До двора дотянет, — решил Ян. — Четыре версты.

— Не дотянет, — возразил Тённис.

— Я двадцать лет вожу телеги.

— А я вижу дерево.

— Ты видишь то, что тебе отец велит.

Тённис шагнул к нему. В двенадцать лет он уже умел молчать как Якоб, но пока не научился делать это вовремя.

— Отец велел не давать дурням ломать наши бочки. Про телеги ничего не говорил.

Ян схватил его за плечо.

Гаврила оказался рядом, но не вмешался. Смотрел на меня.

Если я унижу старшего возчика перед людьми, он довезёт груз и больше не станет работать с мальчишкой. Если позволю ему заткнуть Тённиса силой, остальные поймут, сколько стоит назначенная мной ответственность.

— Отпусти моего мастера, — сказал я.

Ян не сразу понял, о ком речь.

— Этого?

— Его. За тару и дерево в обозе отвечает Тённис Рауд. Если он ошибся, время ремонта вычтем из его платы. Если прав — простой оплатит товарищество.

— А если мы останемся ночевать в грязи?

— Тогда я буду мокрым владельцем девяти телег. Ты — возчиком, который сломал одну после предупреждения мастера. Решай, чьё положение тебе нравится меньше.

Ян отпустил плечо мальчика.

Втулку сняли. Трещина уходила глубже, чем казалось. Ещё несколько вёрст под грузом раскололи бы её полностью, колесо завалилось бы и потянуло ось. Тённис ничего не сказал. Только вытер деталь рукавом и принялся подгонять запасную накладку.

Я сел рядом на корточки.

— Сколько времени?

— Если не мешать — час.

— А если помогать?

— Два.

— Узнаю настоящего мастера.

Он скосил на меня глаза.

— Держи фонарь.

Мы провели под дождём почти два часа. Фонарь всё-таки пришлось держать мне: полог закрывал свет, Гаврила с охраной ставил телеги полукругом, Павел записывал выдачу запасных деталей, а Дитер исчез.

Я обнаружил его под первой телегой, где было суше.

— Ты чем занят?

— Охраняю низ.

— От кого?

— Вдруг враг маленький.

— Вылезай. Будешь носить Тённису инструменты.

— Почему я?

— Ты ближе всех к земле.

Дитер выбрался, заляпанный грязью до ушей.

— У тебя отвратительные шутки.

— Это не шутка. Клещи принеси.

Когда телега снова встала на колесо, Яан сам проверил втулку и протянул Тённису ладонь.

— Был прав.

Тённис пожал её.

— Был.

— Мог бы не обзывать.

— Мог.

— И?

— В следующий раз попробую другое слово.

Яан заржал так громко, что встревожились лошади. Их спор не закончился дружбой. Зато до конца дороги возчик спрашивал Тённиса о каждом подозрительном скрипе. Полномочие, которое я дал мальчику словами, стало настоящим только после того, как он оказался прав перед взрослыми.

На шестой день старая ось всё же треснула — уже на другой телеге. Удар прозвучал сухо, лошади рванули, кузов накренился к канаве. Люди успели подхватить край жердями. Никого не придавило, но два тюка ткани промокли, а скобы пришлось собирать из грязи.

— Эта не грелась, — сказал Яан прежде, чем Тённис успел открыть рот.

— Потому что трещина была посередине.

— Мог увидеть?

— До поломки — нет.

Яан словно ждал обвинения и не получил его.

— Значит, бывает, что и дерево врёт?

— Люди чаще.

Запасной оси у нас не было. Здесь закончилась моя предусмотрительность. Я взял дополнительные ремни, втулки, смазку, две доски и железные скобы, но целую ось посчитал слишком тяжёлой для маловероятной поломки.

Гаврила осмотрел трещину.

— Что скажет хозяин девяти телег?

Дядя присел у сломанной оси и поднял отщепившийся кусок дерева. Ждал от меня решения, не объяснения того, почему пришлось остановиться.

— Скажет, что сэкономил вес и получил стоящую телегу.

— Хороший специалист.

— Дорогой. Берёт уроками.

Пришлось разгрузить телегу и отправить двух людей к ближайшему селению. Там нашли плотника, у плотника — берёзовую заготовку. До темноты он вытесал ось, грубую и слишком толстую. Тённис заставил переделать один конец. Плотник обозвал его молокососом. Тённис предложил поставить первую ось обратно и посмотреть, кто раньше устанет ругаться.

К ночи мы потеряли день пути и почти шейкель: работа, еда людям, корм лошадям, испорченная ткань. Я записал убыток сам.

— Можно было распределить скобы по другим телегам и бросить эту, — сказал Павел.

— Можно.

— Почему не бросили?

— На обратном пути груза будет больше. Новую телегу в Пскове купим дороже, чем ось здесь.

— А если опоздаем?

— Потеряем часть доверия Нечаева.

— Значит, ты выбрал телегу вместо доверия?

Я посмотрел на Яана, который ел у костра и время от времени поглядывал на новое колесо. Он привёл шесть своих телег, нанял три чужих и отвечал за людей. Бросить одну означало бы показать всем: имущество возчика становится моим расходным материалом, как только мешает сроку.

— Я выбрал возчика, который должен захотеть поехать с нами второй раз, — ответил я. Павел записал это рядом с суммой убытка.

— Зачем?

— Чтобы не забыть, за что заплатили.

Иногда он понимал счёт лучше меня.

На седьмой день мы увидели четверых всадников. Они появились на гребне позади, держались далеко и исчезали, когда дорога входила в лес. Обычные путники догнали бы медленный обоз или отстали. Эти сохраняли расстояние.

Гаврила поднял руку. Охранники перестроились: двое вперёд, двое назад. Возчики подтянули телеги, убрав промежутки. Павел спрятал дорожную книгу под полог. Тённис взял короткое копьё, которое едва умел держать. Дитер перестал шутить.

— Разбойники? — спросил он.

— Может быть, — ответил я.

— А может быть кто?

— Люди, которым в ту же сторону.

— Они почему тогда прячутся?

— Возможно, мы им не нравимся.

— Мне они тоже уже не нравятся.

— Равновесие достигнуто.

Мы не остановились. За следующим поворотом Гаврила велел двум охранникам спешиться и остаться в густом ельнике. Обоз продолжил путь. Через четверть часа сзади донёсся свист — условный сигнал. Всадники приблизились, увидели пустое на вид замыкание, затем заметили людей у себя сбоку и резко свернули на северную тропу.

Охранники вернулись без погони.

— Почему отпустили? — спросил Дитер. — Можно было поймать и узнать.

— Четверых верховых двумя пешими? — Гаврила посмотрел на него. — Покажи.

— Я в следующий раз.

— Вот и они так решили.

Следов нападения мы не нашли. У одного всадника висел охотничий лук, у другого блеснул шлем. Это могли быть слуги местного владельца, контрабандисты, разведчики разбойной ватаги или люди, боявшиеся нас больше, чем мы их.

Раньше я называл бы неопределённость недостатком сведений и продолжил операцию. Теперь в обозе ехали трое мальчишек, матери которых не интересовались правильными названиями риска.

На ночлеге я удвоил вахту.

— Они не вернутся, — сказал Гаврила.

— Не уверен. Ты же их не спросил.

— Они свернули на север. Наш дозор ещё полчаса смотрел за тропой. Если добавишь вторую смену, утром людей в телеги загружать будем вместе с товаром.

Я посмотрел на возчиков у костра. Двое уже спали сидя. Мы могли стеречь ночь вдвое усерднее, а утром получить обоз, в котором каждый недослышал команду.

— До середины первой вахты постоят двое. Потом оставим обычный порядок. Сам проверю перед сном.

— Вот это можно, — сказал Гаврила. — И спать всё-таки ложись. Дорога за ночь никуда не денется.

На восьмой день Дитер проиграл Тённису четыре медяка и заявил, что игральные кости сделаны неправильно.

— Они падают шестёркой только к нему, — сообщил он мне, потрясая зажатыми в кулаке костями. — Это мошенничество.

— Ты принёс кости, — напомнил Павел.

— Поэтому знаю, что они честные.

— Очень веское доказательство, — сказал я.

Тённис сидел на мешке с солью и пересчитывал выигрыш.

— Он трижды менял руку, дважды дул и один раз молился. Не помогло.

Дитер сунул кости мне.

— Проверь.

Я прокатил их по крышке сундука. Выпали двойка и пять. Повторил — две единицы. Следов груза или подпила не было. Обычные костяшки, вырезанные чуть криво.

— Сделаны плохо, — признал я.

Дитер торжествующе протянул руку к монетам.

— Но одинаково плохо для вас обоих.

Рука остановилась.

— Это как?

— Тённис раньше заметил, какие грани тяжелее.

Бондарский сын пожал плечами:

— Они дважды чаще останавливаются на тройке и шестёрке. Я выбирал игру, где это выгодно.

— Ты знал?!

— После первых пяти бросков.

— И не сказал?

— Ты не спрашивал, пока выигрывал.

Дитер потребовал вернуть деньги. Тённис отказался. Павел предложил оставить каждому по два медяка и выбросить кости. Они вдвоём обвинили его в отсутствии торгового духа.

— Деньги остаются у Тённиса, — решил я. — Он увидел преимущество раньше.

— А я?

— Ты купил урок.

— За четыре медяка?

— Радуйся. Взрослым продают дороже.

Дитер не радовался. До Пскова он нёс кости отдельно и испытывал на каждой ровной поверхности. К вечеру уже мог предсказывать результат чаще случайного.

— Теперь я отыграюсь, — заявил он.

— Теперь Тённис не станет с тобой играть, — сказал Павел.

Тённис подтвердил кивком.

— Это нечестно!

— Это торговля, — ответил я.

К девятому дню показались псковские стены. Мы опоздали почти на сутки, потратили больше расчёта и не узнали, кто следовал за нами. Зато ни один тюк не исчез, телега Яана шла на новой оси, Павел отстоял запись перед пошлинником, Тённис получил взрослое право отвечать за дерево, а Дитер впервые понял, что знание перестаёт быть преимуществом сразу после того, как о нём узнаёт другая сторона.

Гаврила к Пскову перестал ждать неприятностей за каждым поворотом. Не потому, что дорога стала безопасной. Просто теперь он знал, как поведут себя наши люди, когда она перестанет такой казаться.

На обратную дорогу мы приняли двенадцать бочек воска, шесть связок кож и два сундука с льняной пряжей. Внутри лежали восковые болванки с товарным клеймом; знак на крышке обозначал только отправителя и тару. Псковский приказчик взвесил каждую бочку при мне по согласованному вошаному весу, сверяя эталонную гирию. Павел записал числа в дорожную книгу, Тённис поставил на крышках транспортную метку мастерской Раудов — маленький косой надрез рядом с кольцом — и велел носильщикам не катить бочки по камню.

— Они не стеклянные, — проворчал старший носильщик.

— Обруч сдвинется, крышка даст щель, потом скажете, что так и было, — ответил Тённис.

— Тебя кто спрашивал, мальчик?

— Тот, кто заплатит меньше, если вы испортите бочку.

Носильщик посмотрел на меня. Я кивнул.

— Он принимает тару от нашего имени.

Тённис не улыбнулся, пока груз не оказался на телегах. Потом всё же провёл ладонью по первой бочке, как по шее хорошей лошади.

Назад мы шли быстрее. Дождь прекратился, а отметка совета избавила от повторного досмотра при входе в Нарву. Воротный писец снова сверил дощечку.

— Вторая поездка, — сказал он.

Я остановил коня.

— Первая.

Писец перевернул книгу и показал строку.

— Выехали — раз. Вернулись — два.

— Нам разрешены три поездки, а не три пересечения ворот.

— В книге написано: «три прохода с грузом без досмотра».

Гаврила наклонился к строке. Печать была настоящая, формулировка — тоже. Я помнил разговор после проверки: «следующие три поездки». Городской писец в итоговой записи превратил поездки в проходы. Возможно, по привычке. Возможно, за плату.

— Значит, один остался, — сказал воротный.

— Значит, мы обсудим это с тем, кто составлял запись, — ответил я.

— Обсуждайте. Но сегодня либо проезжайте, либо становитесь в очередь на полный досмотр.

За нами уже ждали две телеги с рыбой. Возчики начали ругаться. Воск нагрелся под солнцем, лошади устали, до склада оставалось меньше получаса. Я мог остановить обоз ради спора и потерять остаток дня. Получить обратно уже использованный проход всё равно удалось бы не у ворот.

— Проезжаем, — решил я.

В старом складе нас встречали бондарь Якоб Рауд, отец Тённиса, и Павелова мать. Она принесла горшок горячей похлёбки, потому что сын впервые вернулся из дальней поездки. Павел попытался держаться как опытный приказчик, но после третьей ложки перестал и ел, не поднимая головы.

Я распорядился взвесить груз до разгрузки. Возчики застонали.

— В Пскове уже считали, — напомнил старший.

— Там считали для отправителя. Здесь считаем для себя.

— До вечера не закончим.

— Получите доплату за ожидание.

Недовольство сразу стало тише. Любой спор легче, когда у него появляется цена.

Весы установили под навесом. На одну чашу клали гири, на другую с помощью блока поднимали бочку. Павел называл псковское число. Я записывал нарвское. Вес первых четырёх

совпал с псковской записью в пределах допустимой погрешности: на клёпках успела налипнуть грязь, да и влажность дерева менялась в дороге. Пятая оказалась легче на пять фунтов.

— Запиши, — сказал я.

Шестая совпала. Седьмая потеряла пять фунтов с четвертью.

Тённис, до этого державшийся рядом с отцом, подошёл к бочке. Проверил крышку, провёл ногтем по косой метке и присел у нижнего обруча.

— Это не наш.

— Бочка? — спросил Павел.

— Обруч.

Якоб нахмурился.

— Я сам их ставил.

— Верхние твои. Нижний меняли.

— По чему видишь?

Тённис показал место соединения. Для меня там находилась обычная заклёпка. Якоб долго смотрел, потом выругался.

— Снимали дно.

Возчики окружили бочку. Старший поднял обе руки.

— Мы груз не трогали.

— Пока никто вас не обвиняет, — сказал Гаврила.

Эти слова заставили людей испугаться сильнее, чем прямое обвинение.

Я попросил всех отойти, но Дитер протиснулся между взрослыми.

— Если украли пять фунтов, зачем снова закрывать? Бросил в мешок и поехал.

— Чтобы мы не заметили до продажи, — ответил Павел.

— Заметим по весу.

— Мы заметим, — сказал Тённис. — Другой может не взвесить.

Я смотрел на заменённый обруч. Воск стоил денег, но не таких. Ради пяти фунтов никто не стал бы снимать дно, подгонять доски и ставить новый обруч. Работа мастера съедала часть добычи. Вор хотел не заработать. Он хотел узнать, проверяем ли мы груз после дороги.

— Откройте, — велел я.

Якоб снял обруч и осторожно выбил донные доски. Внутри лежал воск. Ни тайного письма, ни запрещённого железа, ни дохлой крысы. По стенке тянулась свежая царапина, а у дна виднелся прямоугольный след от вырезанного куска.

— Шесть фунтов, — оценил Якоб. — Может, семь. Потом нагрели край и загладили.

Павел сверился с числами.

— Потеряли пять с четвертью.

— Кусок отец прикинул на глаз, — сказал Тённис. — По заглаженному краю уже не измерить. А бочка после дороги могла набрать сырости. Недостача точно есть; сколько вынули, скажем только после проверки тары.

Гаврила отвёл меня в сторону.

— Сколько людей знали, что мы повезём воск?

— Все, кто видел пустые бочки.

— А когда вернёмся?

Я назвал по памяти: приказчик Нечаева, два псковских носильщика, наши возчики, люди на трёх дворах, монастырский управляющий, основная контора Крузе и городской писец, которому передали список груза.

— Половина дороги, — подвёл итог дядя.

— Больше. Другая половина могла спросить у первой.

— Тогда начинай с людей.

— Нет. С бочки.

Гаврила посмотрел на Тённиса, спорившего с отцом о заклёпке.

— Потому и взял его?

— Я взял его принимать тару.

— Матвей.

— Правда. На этот раз.

Мне не требовалось заранее предусматривать подмену обруча. Достаточно было взять человека, который видел в дереве больше меня. Разведка начиналась не с тайных знаков и переодеваний. Она начиналась с честного признания: кто-то рядом понимает нужную вещь лучше тебя.

Я вернулся к бочке.

— Сможешь определить, где сделали обруч?

Тённис поморщился.

— По железу — нет. По заклёпке можно попробовать. Здесь хвост расплющили в две стороны. Отец бьёт кругом.

— Много мастеров делают в две стороны?

— Если спешат — многие. Если всегда — не знаю.

Якоб присел рядом.

— На ближней восточной дороге есть мастерская, где так делают. За старой мельницей, возле ручья, час от городских ворот. Хозяин левша, ему удобнее.

Мельница. Совсем другая — та, у которой на нас напали по пути в Псков, стояла в нескольких днях езды. Но одного слова хватило, чтобы вспомнить факел над телегой и тяжесть человека, которого я ударил ножом. Гаврила заметил, как я убрал руку с края бочки.

— Туда не поедem вслепую, — сказал он.

— Сначала и не надо.

Я велел Павлу записать вес каждой бочки отдельно, а Тённису — не менять подозрительный обруч. Возчикам заплатили полностью и отпустили. Если среди них был сообщник, удержание только предупредило бы остальных.

Когда двор опустел, у ворот появился посыльный советника Клауса Каппеля. Он передал предложение купить весь псковский воск сразу, без повторного взвешивания, по цене на полшейкеля выше городской.

— Господин Каппель желает поддержать молодое товарищество, — сообщил посыльный.

Я посмотрел на открытую бочку, свежий след у дна и письмо в его руке.

— Передайте господину Каппелю, что мы тронуты.

— Это согласие?

— Это чувство.

— А ответ?

— Завтра.

Посыльный ушёл. Тённис дождался, пока ворота закроются.

— Продадим?

— Нет.

— Он даёт больше.

— И не хочет взвешивать.

Павел поднял голову от книги.

— Значит, знает про недостачу?

— Или хочет, чтобы мы так решили.

Дитер присвистнул.

— А если он просто богатый дурак?

— Богатые дураки долго богатыми не остаются.

Гаврила взял письмо, понюхал сургуч и вернул мне.

— Что будешь делать?

— Продавать воск по частям. Каждому покупателю назовём вес до дороги и после. Посмотрим, кому станет интересно, где он изменился.

— А с последним проходом без досмотра?

Я посмотрел на городскую отметку. Из обещанных трёх поездок у нас остался один проход. Кто-то изменил два слова и вдвое сократил ценность награды.

— Не потратим, пока не узнаем, кому он нужен больше нас.

Павел принёс окончательный расчёт после ужина. Опоздание и ремонт съели больше половины ожидаемого, но прибыль осталась. Нечаев прислал вместе с нею заказ на следующую партию.

— Все опять в товар? — спросил Павел.

— Часть моей доли оставь отдельно. На сменных лошадях.

— За столько дадут только посмотреть.

— Пока и требуется: найти человека, который держит их без нашего отца и без Каппеля. Гаврила перестал разбирать дорожную суму.

— Уже решил, что Яан не годится?

— Решил, что ему иногда надо спать дома. И нам однажды захочется ехать сразу в две стороны.

Дядя подумал и назвал два двора. Один принадлежал родственнику его знакомого, второй жил кормом чужих обозов. Я попросил узнать цену у обоих.

Мать Павла собирала посуду. Он встал помочь, прежде чем успел спросить разрешения, и я вовремя придержал готовое «потом». Пусть идёт. Пять фунтов воска дождутся утра; она всю поездку не видела сына.

На столе остались наш заказ, первая отложенная монета и отметка последнего прохода. Я придвинул их к себе. У дороги наконец появился следующий шаг, который выбрал я.

Глава 2. Лёгкая бочка

Утром воск пах мёдом, дымом и чужой осторожностью.

Мы перенесли вскрытую бочку в дальний угол склада. Якоб Рауд разложил рядом снятое дно, обруч и инструменты. Тённис пришёл раньше отца и уже успел трижды осмотреть заклёпку. Павел переписал таблицу весов начисто. Дитер опоздал, зато принёс два горячих пирожка и слух о том, что Каппель собирается купить большую партию воска.

— Слух стоит медь, — объявил он.

— Вчера к нам приходил его посыльный, — сказал я.

— Тогда половину меди. Я подтвердил.

— Ты съел подтверждение.

Дитер посмотрел на надкусанный пирожок.

— Остался второй.

Я заплатил ему половину. Дитер отломил мне непримятый край второго пирожка и тут же уточнил, что начинка в цену не входит. Пусть приносит и такие новости: лучше дважды услышать одно и то же, чем однажды отучить его заходить к нам. Только за будущие опасные поручения эта мелочь не должна была сойти за задаток. Пока мне казалось, что он хорошо понимает разницу.

Якоб положил на стол снятое дно. Под заклёпкой остался светлый металл, возле воска — след нагрева. Тённис ещё вчера разобрал, как открыли бочку; теперь требовалось понять, когда к ней могли подойти.

Маттис, Гаврила и Якоб Рауд у вскрытой бочки. Кто-то уже попробовал чужой воск.

Павел развернул дорожную книгу. На обратном пути мы ночевали у Луки Панкратьева, у вдовы Эпп и на монастырском дворе. На заставе две телеги стояли отдельно, пока писец считал

кожи. Переставляли бочки дважды, зато телеги больше не ломались: ось Яану заменили ещё по дороге в Псков.

— Вот эти остановки проверим, — сказал я. — Не всю дорогу по новой.

— Вдова, — сказал Дитер. — У неё два сына. Оба воры.

— Ты их знаешь?

— Нет. Но у вдов всегда голодные сыновья.

Павел посмотрел на него.

— У моей матери один сын.

— Ты тоже хотел украсть мел у Райнера.

— Хотел — не украл.

— Потому что я раньше забрал.

Гаврила ударил ладонью по столу. Не сильно, но разговор оборвался.

— Мы не ищем удобного виноватого, — сказал он. — Ищем место и возможность.

В первой жизни я слышал то же самое десятками разных голосов. После пропажи груза начальник склада винил водителя, водитель — диспетчера, диспетчер — таможеню. Каждый начинал с человека, которого легче представить вором. Почти всегда полезнее было начать со времени, доступа и следа.

— Две бочки потеряли вес, — сказал я. — Стояли они рядом?

Павел нашёл схему погрузки. Мы рисовали её ради распределения тяжести, а не расследования. Седьмая бочка шла на четвёртой телеге. Пятая — на третьей. Между ними находилась шестая, чей вес совпал.

— Если воры получили доступ к обозу, почему взяли через одну? — спросил Тённис.

— Потому что проверяли не доступ, — ответил я.

Павел понял первым.

— Метки.

На крышках всех бочек стоял косой надрез Раудов. Но две лёгкие дополнительно имели маленькую точку, выжженную у края. Так псковский приказчик отметил воск лучшего качества. Каппелю мы ещё из Пскова отправили обычный список: двенадцать бочек, две отборные.

— Они знали, какие открывать, — сказал Павел.

— Или догадались по точке, — возразил Гаврила.

— Тогда взяли бы больше, — ответил я. — И не закрывали бы так тщательно. Из каждой вырезали почти одинаковый кусок. Тот, кто это сделал, проверял качество и хотел оставить груз внешне целым.

— Покупатель взял пробу, — сказал Якоб. — Не заплатив.

— Покупатель, который ещё не должен был видеть товар.

Каппель предложил купить весь воск без взвешивания. Если пробы доставили ему, он знал качество заранее и мог назначить цену, не осматривая груз. Но слишком явно. Клаус Каппель умел прятать зависимость внутри правильных бумаг. Послать человека вскрывать бочки, а на следующий день первым предложить покупку — поступок Юргена, моего старого школьного врага, не его отца.

— Откажи Каппелю, — сказал Гаврила. — И забудь пять фунтов.

— Десять с четвертью.

— Тем более. Сумма слишком мала для войны.

— Поэтому речь не о ней.

— Матвей, у тебя есть склад, договор и дорога. Ты не обязан преследовать каждого, кто отщипнул кусок воска.

— Если он отщипнул, чтобы узнать, стоит ли брать остальное, я хочу знать раньше него.

Гаврила прищурился.

— Что предлагаешь?

— Продадим одну лёгкую бочку Каппелю.

Тённис открыл рот. Якоб сказал за него:

— Ты вчера отказался.

— Вчера он хотел всё. Сегодня получит одну — по обычной цене и с записанным весом. Вторую продадим его сопернику. Остальные пока оставим.

— И что узнаешь?

— Кому важнее следы вскрытия, чем воск.

Письмо Каппелю отвёз взрослый посыльный. Я не хотел, чтобы Дитер или Павел появлялись возле его склада по моему поручению. К полудню пришёл ответ: Каппель соглашался купить одну бочку, но просил именно отборную. О потере веса не спрашивал.

Вторую мы предложили купцу Андреасу Вайсу, который ненавидел Каппеля с тех пор, как проиграл ему место старшего при гильдейской кассе. Вайс тоже попросил отборную, но потребовал вскрыть её при нём и снизить цену за недостачу.

— Один знает, второй проверяет, — сказал Павел.

— Или один хочет казаться знающим, — ответил я.

Продажу назначили на следующий день. До неё я пошёл в городскую канцелярию разбираться с тремя поездками, превращёнными в три прохода. Главный писец принял меня стоя. Детям не предлагали стула, даже если они приходили с собственной печатью.

— Воротная запись верна, — сказал он, выслушав.

— Совет разрешил три поездки.

— Решение совета записано как три прохода.

— Кто составлял итоговую строку?

— Мой помощник.

— Можно с ним поговорить?

Писец впервые посмотрел на меня внимательнее.

— Зачем?

— Хочу понять, ошибся он или получил точное указание.

— Ты обвиняешь городского служащего?

— Я спрашиваю, кто выбрал слово.

— Для твоего возраста разница невелика.

— Для моей дороги она равна полному досмотру одного обоза.

Он сел, демонстративно открыл книгу и провёл пальцем по строке.

— Здесь стоит подпись твоего поручителя. Гаврила Панкратьев согласился с записью.

Подпись была. После апрельского предложения Нечаева наш груз досмотрели, и только затем совет выдал разрешение. Гаврила подписал опись проверенного товара и перечень дозволенных грузов; распоряжение для ворот подшили следом. Устно всё ещё говорили о поездках. На последнем листе стояло уже другое слово, и дядя заверил весь комплект, не заметив подмены смысла.

— Значит, юридически вы правы, — сказал я.

Писец улыбнулся.

— Рад, что мы поняли друг друга.

— Кто попросил вашего помощника написать «проходы»?

Улыбка исчезла.

— Разговор окончен.

На улице меня ждал Гаврила. Я рассказал о подписи.

— Моя, — признал он. — Не прочёл следующий лист.

— Такое бывает.

— Не утешай. Становишься похож на ростовщика перед новой ставкой.

— Тогда не буду. Ты ошибся.

— Уже лучше.

Он повернул к рынку, но я остался у крыльца.

— Помощника писца знаешь?

— Знаю его отца. Не пойдём угрожать мальчишке из-за слова.

— Я и не собирался. Хочу узнать, какие долги у семьи.

Гаврила тяжело вздохнул.

— Ты с утра хоть ел? — спросил Гаврила.

— Половину подтверждённого слуха. Дитер принёс пирожок.

— Понятно. Идём к мяснику. Только сперва поедим, а потом ты начнёшь спрашивать, кому он должен.

Каппель оставался в совете и здоровался со мной на пристани, будто ничего не случилось. Но прежний спор он проиграл: склад был наш, дорога работала, Лоренц больше не сидел над нашими книгами. Отказываться от этого результата только потому, что противник не исчез, я не собирался. Теперь следовало заставить его снова платить за каждый шаг к нам.

На следующий день Каппель приехал принимать бочку лично. Его слуга поставил малые весы. Клаус осмотрел точку на крышке, косой надрез Раудов и заменённый нижний обруч.

— Тара повреждена, — сказал он.

— Поэтому мы записали точный вес.

— Псковский список называет другой.

— По дороге часть исчезла.

Каппель поднял тяжёлые веки.

— И ты продаёшь мне вскрытый товар?

— Я продаю хороший воск с известной недостаточей. Вы вчера были готовы взять все бочки без осмотра.

— Вчера я доверял твоей книге.

— А сегодня?

— Сегодня вижу, что на дороге тебе доверять рано.

Он отказался от покупки. По выражению лица невозможно было понять, удивила ли его бочка. Зато слуга смотрел на обруч слишком долго. Тённис это заметил и, когда Каппель уехал, молча указал мне взглядом.

— Знает заклёпку? — спросил я.

— Или мастера.

Вайс приехал после полудня. Велел вскрыть вторую бочку, потыкал воск ножом, сбил цену на четверть шейкеля и купил. Обруч его не заинтересовал.

К вечеру Дитер вернулся с новостью о помощнике городского писца. Его отец задолжал Каппелю двенадцать шейкелей за лечение жены и заложил половину дома.

— Теперь новость стоит медь? — спросил Дитер.

— Две.

Он протянул ладонь, но я не сразу положил монеты.

— Как узнал?

— Спросил мясника.

— Почему мясника?

— Писцова мать покупает у него кости в долг. Когда у людей есть деньги, они берут мясо.

Я отдал две меди и добавил третью.

— За способ.

Дитер довольно ухмыльнулся. Павел смотрел на монеты без одобрения.

— Он рассказал про чужую бедность, — сказал Павел, когда Дитер отошёл.

— Он нашёл связь.

— И теперь писцов сын виноват?

— Нет. Теперь у него есть причина выполнить просьбу Каппеля.

— Это одно и то же, если ты уже решил.

Я закрыл книгу. Год назад из-за моей ловушки наказали Павла. С тех пор он не позволял мне забывать разницу между удобным объяснением и доказательством.

— Не решил, — ответил я. — Записал как возможность.

— Тогда напиши рядом.

Я написал: «Долг объясняет зависимость, но не доказывает действие». Павел прочёл и кивнул.

В тот же вечер Тённис обнаружил внутри заменённого обруча две неглубокие насечки. Они не были знаком владельца. Так мастер помечал сторону полосы перед сгибом.

— У отца одна черта, — объяснил он. — У этого две. Если найдём другие его бочки, узнаем руку.

— За старой мельницей? — спросил Гаврила.

Якоб кивнул.

— Мастер там менялся зимой. Прежний умер. Новый пришёл с северной дороги.

Северная дорога вела к Ревелю.

У нас осталось десять целых бочек, один проход без досмотра и след мастера, который мог оказаться обычным совпадением. Этого было мало для обвинения и достаточно для следующего шага.

Следы редко ведут прямо к виновнику. Чаще они ведут к человеку, которому тоже запла-
тили. Главное — не спутать середину цепи с тем, кто держит её конец.

Глава 3. Чужой обруч

К мастеру за старой мельницей мы поехали продавать соль.

Так было записано в дорожной книге, так мы сказали у ворот и так выглядел груз: две небольшие телеги, шесть мешков, пустая тара и накладная на имя деревенского старосты. Соль ему действительно требовалась. Хорошая легенда отличалась от лжи тем, что после неё можно было честно потребовать оплату.

Гаврила взял двух взрослых охранников. Тённиса оставил в Нарве, хотя тот спорил до хрипоты.

— Обруч нашёл я, — повторял он.

— Поэтому и расскажешь, что увидишь, когда его привезём, — ответил Гаврила.

— А если не привезёте?

— Тогда порадуешься, что не поехал.

Я поддержал дядю. Поездка была короткая, но мы собирались задавать неприятные вопросы человеку, о котором почти ничего не знали. Брать Тённиса за то, что он нашёл улику, означало награждать опасностью. Мне же требовалось услышать ответы самому. За полтора года тело окрепло, рука увереннее держала короткий клинок, однако на чужом дворе я по-прежнему выбирал место так, чтобы не оказаться один против взрослого.

Дитер встретил нас за городскими воротами.

— Я тоже еду.

— Нет, — сказал Гаврила.

— Я не с вами. Мне в деревню.

— Зачем?

— Дела.

Дядя посмотрел на меня.

— Не мои, — сказал я.

Дитер обиделся.

— Будто у меня без тебя дел нет.

— Какие?

— Личные.

— Тогда тем более не рассказывай.

Мы тронулись. Он остался у дороги и некоторое время смотрел вслед. Через полверсты один охранник заметил мальчишку среди кустов. Гаврила развернул коня, но Дитер исчез.

— Вернёмся? — спросил я.

— А он пойдёт другой тропой. Ты научил его считать слежку работой.

— Он занимался слухами и пристанью.

— Для тебя есть разница. Для него платят за то и другое.

Мне не понравилось, что дядя оказался прав. Ещё меньше — что я не знал, как исправить привычку, на которой держалась полезность Дитера.

Старая мельница стояла у ручья. Колесо не вращалось: между лопатками торчали прошлогодние стебли. Хозяин сушил сети на жердях, а под навесом хранил дрова. Ничего общего с псковской мельницей, кроме названия. Я всё равно первым делом проверил калитку за сараем.

— Двое остаются с телегами, — сказал Гаврила. — К мастеру пойдём вместе. Если заговорит не здесь, позовём к старосте.

Мне стало легче от его обычного делового голоса. Мы приехали не повторять старую ночь. Мы приехали выяснить, кто вскрывал наш товар.

Мастерская находилась дальше, за изгибом ручья. Низкий сарай, открытый горн, куча старых обручей у стены. Хозяин оказался худым мужчиной лет тридцати пяти с ожогом на шее. Левой рукой он держал клещи, правой бил молотом.

— Соль привезли? — спросил он, не прекращая работы.

— Старосте, — ответил Гаврила. — Тебе можем оставить мешок.

— Денег нет.

— Возьмём работой.

Мастер бросил полосу в воду. Пар закрыл лицо.

— Какой?

Я достал заменённый обруч.

— Нужно двадцать таких.

Он принял железо, провёл пальцем по заклёпке и вернул.

— Это не моё.

— Но сделано так же.

— Все обручи круглые.

— Не у всех две насечки внутри.

Мастер посмотрел на меня, потом на Гаврилу.

— Сын?

— Племянник.

— Слишком много спрашивает.

— Поэтому пока жив.

Мужчина усмехнулся.

— Две насечки ставил прежний хозяин. Я перенял. Удобно не путать стороны.

— Кому продавали такие обручи за последний месяц?

Усмешка исчезла.

— Я книги не веду.

Из сарая выглянула девочка лет восьми, увидела чужих и спряталась. У стены сушилась детская рубаша, рядом с дверью висела дощечка с угольными зарубками. Хоть какой-то учёт заказов мастер вёл. Но называть его лжецом было рано: он мог отмечать на дереве только суммы и действительно не записывать имён.

Гаврила открыл один мешок соли.

— Староста получит пять. Шестой можем оставить за двадцать новых обручей и ответ.

— Какой ответ?

— Кто зимой купил железо и инструменты прежнего хозяина?

Мастер медленно положил клещи.

— Я купил.

— У кого взял деньги?

— Зачем тебе?

— Потому что человек, давший деньги, мог сохранить право на твою работу.

Слова попали. Мастер посмотрел на дом, где скрылась девочка.

— У меня нет долгов.

— Тогда легко показать расписку о погашении, — сказал я.

Он шагнул ко мне. Гаврила не тронул оружие, но встал между нами.

— Мальчика не пугай. Он от страха становится разговорчивее.

— Уезжайте.

— Соль оставим старосте, — сказал дядя. — Если передумаешь, мы до вечера у него.

Мы ушли, не получив ответа. По дороге к деревне я спросил:

— Почему не надавили?

— Чем?

- Он боится за дом. Можно предложить защиту.
- От человека, имя которого мы просим назвать? Очень надёжная защита.
- Тогда деньги.
- За мешок соли он готов солгать. За два — соврёт убедительнее.
- И просто ждать?
- Показать, что знаем о долге. Дать выход. Потом ждать.

Терпение не нравилось мне именно потому, что часто работало лучше действий. Оно оставляло решение другому человеку, а я привык считать надёжным только то, что мог проверить сам.

Староста принял соль и угостил нас пивом. Я расспрашивал о дороге и цене настила. Гаврила обсуждал лошадей. О мастере не упоминали. К закату он пришёл сам.

— Расписку мне не отдали, — сказал мужчина с порога. — Сказали, долг закрывается работой.

- Кто сказал? — спросил Гаврила.
- Возчик из Нарвы. Серый плащ, перчатки из войлока. Имени не назвал.
- Сколько должен?
- Восемь шейкелей. Ещё два за железо.
- Сколько обручей уже сделал?
- Сорок три больших, двадцать один малый. И чинил бочки на дороге.
- Какие бочки?

Мастер посмотрел на меня.

— Две с точкой на крышке. Ночью привезли на телеге. Велели снять дно, вырезать пробу, закрыть. Заплатили частью долга.

— Кто привёз?

— Двое. Одного раньше видел у Каппеля на складе. Он сказал, что товар принадлежит хозяину и вы просто везёте.

- Поверил?
- Мне показали список с печатью.
- Чьей?
- Вашей.

Я достал медную печать матери. Мастер покачал головой.

— Не такая. Там птица была. Или крюк. В темноте не разглядел.

Печать Каппеля изображала стилизованную птицу с поднятыми крыльями. Это всё ещё не доказывало приказ Клауса. Его люди, слуги и должники могли пользоваться знаком по разным поручениям.

- Где расписка? — спросил Гаврила.
- У человека в перчатках.
- Когда он вернётся?
- Через неделю. Может, раньше.
- Скажешь ему, что мы приходили?

Мастер посмотрел на соль у стены.

— Если не скажу, он узнает от старосты.

— Верно, — согласился я. — Поэтому скажите. Добавьте, что мы требовали назвать его имя и угрожали судом.

Гаврила не повернул головы, но я почувствовал его недовольство.

- Вы не угрожали, — сказал мастер.
- Теперь угрожаем. Так будет правдоподобнее.
- Зачем?
- Чтобы он пришёл проверить, что ещё вы рассказали.

Мужчина помолчал.

— А долг?

— Сейчас не выкупим, — ответил я. — Мы самой расписки не видели. Заплатим за новые обручи деньгами, а прежние заказы нужно записать: сколько уже приняли в счёт долга, при ком. И новые тоже. Иначе вам могут ещё год говорить, что осталось восемь.

— Я книг не веду.

— Теперь ведёте.

Я положил на стол маленькую дощечку и кусок угля. Мастер усмехнулся.

— Много власти для мальчика.

— Это не власть. Только память, которая не зависит от чужой честности.

На обратном пути Гаврила долго молчал.

— Скажи, — попросил я.

— Что?

— Почему план плохой.

— Потому что ты оставил мастера под ударом.

— Если запретим говорить, человек в перчатках всё равно узнает о нас. Теперь у мастера есть правдивая история.

— И ложь внутри неё.

— Ложь про угрозу защищает его лучше молчания.

— До тех пор, пока не попросят доказать.

— Поэтому мы действительно подадим жалобу через три дня.

Гаврила выругался по-русски.

— Ты уже решил?

— Нет. Подготовил возможность.

— Иногда разницы никто, кроме тебя, не видит.

У городских ворот нас ждал Дитер. На сапогах была грязь с ручья, в волосах — солома.

— Личные дела закончил? — спросил Гаврила.

— Да.

— Какие?

— Узнал про человека в серых перчатках.

Я спешился.

— Откуда ты знаешь про перчатки?

Дитер улыбнулся.

— Мастер рассказал старосте, староста — жене, жена — дочери, а дочь вышла за водой.

Я сидел у колодца.

— Мы уехали оттуда меньше часа назад.

— Я короче пошёл.

Гаврила шагнул к нему.

— Ещё раз пойдёшь за нами после запрета — выпорю.

Дитер отступил, но улыбка осталась.

— Тогда не скажу имя.

— Не знаешь, — сказал я.

— Знаю, кто платит за его ночлег в Нарве.

— Каппель?

— Нет.

Он выдержал паузу. Я молчал. Дитер любил продавать не новость, а нетерпение покупателя. Если дать ему насладиться тишиной, цена иногда падала сама.

— Бруно Крузе, — наконец произнёс он.

Гаврила посмотрел на меня. Я не почувствовал удивления — только неприятное подтверждение подозрения, которое не хотел записывать.

— Где доказательство? — спросил я.

— В «Белой шуке» хозяин записывает плату мелом. Комната наверху оплачена на месяц вперёд. Рядом знак вашей конторы.

— Основной конторы Крузе, — уточнил я.

— У вас разные?

— Теперь да.

Дитер протянул ладонь.

— Это стоит серебро.

— Это стоит проверку.

— Тогда медь за дорогу.

Гаврила схватил его за плечо.

— Пешком шёл без спроса. Сам и оплатил.

Дитер вывернулся и убежал к воротам. Я не остановил.

— Бруно мог нанять возчика для своей сделки, — сказал дядя.

— Мог.

— А его знак могли назвать тому, кто платил.

— Могли.

— Почему тогда смотришь так, будто уже вынес приговор?

— Потому что не знаю, кого мне хочется оправдать сильнее: брата или себя за то, что снова ему поверил.

В первой жизни я считал беспристрастность профессиональным навыком. В новой обнаружил, что она легко работает с чужими людьми и почти никогда — с семьёй. Чужой обруч оказался простым. Гораздо труднее было понять, чья рука велела его поставить.

Глава 4. Две даты

Бруно признал комнату в «Белой шуке» раньше, чем я закончил вопрос.

— Моя, — сказал он. — Вернее, оплачена мной.

Мы стояли в основной конторе Крузе. За стеной скрипели блоки, грузчики перекатывали бочки, писцы спорили о цене льна. Мой отец Хинрик уехал к городскому весовщику, поэтому Бруно занимал его место за столом. Оно подходило ему лучше, чем два года назад. Книги лежали ровно, письма были разделены по городам, чернильница закрыта от пыли.

— Для кого? — спросил я.

— Для возчика.

— В сером плаще и войлочных перчатках?

— У половины возчиков серые плащи.

— Этот выкупил долг мастера за старой мельницей и заставляет его чинить бочки по ночам.

Бруно откинулся на спинку стула.

— И ты решил, что я ворую твой воск?

— Я решил спросить до того, как решать.

— Учишься.

В прежние годы он ответил бы насмешкой или позвал отца. Теперь смотрел спокойно. Это могло означать взросление, уверенность или заранее подготовленную правду.

— Его зовут Ян Вельке, — продолжил Бруно. — Он ведёт для меня северный обоз. Комнату оплатил потому, что мне нужен человек в Нарве, а не в кабаке у каждой новой дороги.

— Что возишь? — спросил я.

— Пока ничего.

— Платишь за комнату человеку без груза?

— Плачу за путь. Хочу открыть дорогу к Ревелю без Каппеля и отцовских партнёров.

— Почему тайно?

— Потому что отец дал бы дело тебе. Ты теперь у нас знаток дорог.

В голосе не было детской обиды. От этого слова стали тяжелее.

— Воск он трогал?

— Не по моему приказу.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Бруно открыл малую книгу и повернул ко мне. В ней были расходы на комнату, лошадей, два пробных прохода и один долг мастера. Восемь шейкелей, ещё два за железо. Всё совпадало.

— Ты дал ему расписку Каппеля? — спросил я.

— Выкупил её через посредника.

— И получаешь работу вместо денег.

— Получу обручи для северных бочек. Когда начну возить.

— Он уже делает их для кого-то ещё.

Бруно нахмурился.

— Сколько?

— Больше шестидесяти.

Он снова посмотрел в книгу. Его удивление было коротким и настоящим — либо очень хорошо сыгранным.

— Вельке должен прийти завтра, — сказал брат. — Спросим вместе.

— Не придёт. Мастер передаст, что мы ищем человека в перчатках.

— Значит, ты предупредил его раньше, чем спросил меня.

— Я не знал о тебе.

— Поэтому сначала устроил ловушку, а потом пришёл к семье.

— Пока нет ловушки.

— У тебя всегда есть ловушка, Маттис. Иногда ты просто ещё не выбрал, кто в неё попадёт.

Я хотел возразить и не нашёл честных слов. Бруно закрыл книгу.

— Сделаем по-твоему. Ты проверишь своего вора. Я — своего возчика. Кто первый узнает правду, не прячет её от второго.

— Согласен.

Бруно придвинул чистый лист.

— Два экземпляра. Иначе завтра при отце ты расскажешь одно, а я опять останусь с виноватой физиономией.

— Я не собирался прятать сведения.

— Тогда и подпишешь без спора.

Он позвал писца. Мы составили короткое обязательство об обмене сведениями, не называя предмета расследования. Бруно поставил печать основной конторы. Я — знак Марфы. Две ветви дома Крузе впервые заключили договор друг с другом.

Гаврила прочёл бумагу и одобрил.

— Теперь можно проверять утечку, — сказал он.

— Уже придумал, — ответил я.

— Не сомневался.

Следующий обоз должен был выйти через шесть дней. Официальный список получили городская канцелярия, воротная стража и основная контора Крузе. В нём стояла правильная дата — среда. Возчикам мы сказали, что из-за ремонта телег выедем во вторник вечером и заночуем у монастырского двора. Дитеру сообщили только вторник. Мастеру за мельницей через старосту передали, что проедем в среду после полудня.

Две даты, три канала и ни одного ложного груза. Мы действительно могли выйти в любой из названных сроков. Я не обвинял людей заранее; я измерял, куда движутся слова.

Павел перечитал список.

— Если нападут во вторник, виноват Дитер или возчики?

— Нет. Значит, сведения прошли через их канал.

— Какая разница?

— Большая. Человек может рассказать жене, жена — соседке, соседка — покупателю Каппеля. Первый человек не обязательно предатель.

— Но наказывать будешь первого, — сказал Павел.

— Буду закрывать канал.

— Для того, кого закроют, разница небольшая.

Гаврила спрятал улыбку в кружке.

— Хорошего писца вырастил, — сказал он.

— Сам вырос, — ответил Павел.

Во вторник утром Дитер исчез. Его мать считала, что он на складе. На складе его не видели с рассвета. Я отправил взрослого человека проверить дорогу до монастыря и велел обозу ждать.

К полудню посыльный вернулся: у настила собрались четверо незнакомых возчиков без груза. Они расспрашивали, когда пройдут телеги Крузе. Увидев охранника, разъехались.

— Вторник ушёл, — сказал Гаврила.

— Канал Дитера или возчиков.

— А сам мальчишка где?

Это беспокоило сильнее утечки. Дитера нашли вечером в рыбном сарае. Он играл в кости с двумя портовыми детьми и искренне не понимал тревоги.

— Ты сказал кому-нибудь дату? — спросил я.

— Нет.

— Совсем никому?

— Вчера сказал, что меня сегодня не будет. Это не дата обоза.

— Кому?

— Матери. Потом мяснику. Он хотел, чтобы я помог разгрузить тушу.

— Ещё?

— Юсте.

— Кто такая Юста?

Дитер покраснел.

— Никто.

Ему было двенадцать. «Никто» оказалась дочерью хозяина «Белой щуки».

Я отпустил Дитера, не объяснив связь. Он не продавал сведения. Он хвастался перед девочкой, а её отец держал комнату Брунова возчика. Слова двигались по человеческим причинам, которые не помещались в книгу платежей.

В среду мы также не выехали. К полудню у старой мельницы заметили двух верховых. Они не скрывались, просто ждали возле дороги. Мастер передал нашу дату человеку в серых перчатках, как и обещал.

— Оба канала потекли, — подвёл итог Гаврила.

— В разные места, — сказал я.

Люди у монастырского двора искали обоз заранее и расспрашивали возчиков. Верховые у мельницы знали точку прохода. Одним требовался груз. Другим — встреча или наблюдение. Если бы существовал один заказчик, он мог распределить людей, но действовали они слишком различно.

В четверг Бруно сообщил, что Ян Вельке не вернулся в комнату. Хозяин получил плату ещё на две недели вперёд от незнакомого посыльного.

— Мой возчик исчез, — сказал Бруно. — Твой план его предупредил.

— Или тот, кто использовал его имя.

— Ты обещал сведения, а не оправдания.

Я рассказал о двух группах. Бруно выслушал и постучал пальцем по договору между нами.

— Значит, у нас два противника?

— Или один, который хочет, чтобы мы так решили.

— Иногда твои ответы удобнее молчания.

— Завтра поведём обоз.

— После того как все узнали даты?

— Именно.

Гаврила потребовал назвать, что именно изменится к пятнице. Я добавил четыре охранника, сменил две телеги и оставил отборный товар в Нарве. На дорогу пошли соль, ткань и обычное железо. Новый состав охраны и груз мы проверили вместе. Отказываться от всех поездок из-за чужого наблюдения означало бы отдать противнику дорогу без боя; идти как прежде я тоже не собирался.

До выезда оставалась ночь. Я собирался потратить её на накладные, карту и последнюю проверку людей, но у Гаврилы были иные представления о подготовке.

— Бумага тебя на дороге не прикроет, — сказал он. — Пойдём.

Часть вторая. Равная рука

Глава 5. Равная рука

Нарва, лето 1549 года

До пятничного выезда оставалось несколько часов. На дворе оружейника уже густели вечерние тени, а я всё ещё рассчитывал провести их над накладными.

Гаврила рассудил иначе. Он забрал у меня свёрнутую карту, сунул её за собственный пояс и кивнул на калитку.

— Полчаса, — сказал дядя. — Потом можешь хоть до утра жениться на своих накладных.

— У нас девять лошадей, четыре новых охранника и два возможных противника. Все ждут, что я что-нибудь решу.

— Лошади переживут.

— За них я как раз спокоен. Единственные во дворе, кто согласен работать за еду и не требует совета.

Гаврила ткнул меня свёрнутой картой под рёбра.

— Ноги в руки, хозяин. Пока они ещё твои.

Пришлось идти. Отложить тренировку под предлогом срочной работы я пытался уже третий раз за неделю. На службе таким усердным работникам обычно первыми вручали лопату: человек занятой, должен справиться быстро.

Оружейный двор прятался за кузницей, между высокой каменной стеной и навесом для угля. Здесь пахло мокрой золой, конским потом и маслом, которым смазывали клинки. Вдоль стены стояли щиты, обтянутые сыромятной кожей. Из них только два были настоящими. Остальные мастер сколотил для учеников городского ополчения: тяжёлые, неудобные и достаточно дешёвые, чтобы не плакать над каждой вмятиной.

На утопанной земле упражнялись шестеро юношей. Они двигались парами, били учебными палками по щитам и по команде менялись местами. Никто не походил на рыцаря из красивой баллады. Один путался в ногах, второй заранее закрывал глаза, третий всякий раз заносил палку так широко, будто хотел предупредить противника письмом.

Лучшим был Освальд Мяги.

Ему было тринадцать. Сын городского стражника, он уже дважды увязывался за отцовским десятком в ночной обход: нёс фонарь, держался в середине строя и после рассказывал об этом так, словно сам запирает ворота. В школе Освальд учился в старшем классе, но во дворе распоряжался мальчишками любого возраста. Юрген Каппель покупал его расположение пирогами, мелкой монетой и обещаниями отца. Освальд взамен решал, кого можно загнать в грязь, у кого отнять шапку и над кем смеяться безопасно.

Четыре года назад он держал меня за руки, пока Юрген высыпал содержимое моей сумки в навозную канаву.

Сам поступок был мелким. Память — нет.

После истории с украденной книгой Освальд отделился от Юргена. Не из раскаяния: просто сын советника однажды оказался наказан и перестал казаться безусловно выгодной ставкой. С тех пор Освальд меня не трогал. Но при встрече всегда улыбался так, словно откладывал продолжение разговора.

Сегодня он улыбнулся точно так же.

— Купеческий мальчик пришёл считать удары? — спросил Освальд.

Он опустил палку, и его противник с явным облегчением отошёл к бочке с водой. Остальные тоже перестали заниматься. Чужая ссора всегда интереснее собственной работы, особенно если за неё не накажут.

— Если ты умеешь считать больше трёх, — ответил я.

Гаврила медленно повернул голову.

— Я учил тебя не начинать драку.

— Не начинаю. Проверяю, чему учат городское ополчение.

— Я вижу, чему тебя учат, — сказал дядя. — Плохо учат.

Освальд рассмеялся, но смотрел только на меня.

— Дай ему палку, мастер. Покажу, сколько умею считать.

Оружейник сидел у навеса и менял ремень на старом щите. Он поднял глаза на Гаврилу. Тот едва заметно кивнул.

Вот тогда я понял, зачем мы пришли.

Дядя не собирался размять мне руки перед дорогой. Он выбрал человека старше, сильнее и достаточно неприязненного, чтобы не жалеть купеческого сына. Ему требовалась честная проверка. В армии такую проводят без объявления: иначе проверяемый начинает беречь силы для красивого результата.

Паршиво.

Особенно паршиво было то, что я сам подарил Освальду повод.

Мастер вынул из стойки ясеневую палку длиной примерно в локоть с половиной и протянул мне. Дерево было гладким от ладоней, но возле конца темнела свежая трещина.

Я согнул палку, послушал волокна и вернул.

— Другую.

— Эта не сломана, — сказал Освальд.

— Поэтому и прощу сейчас. После удара объяснять будет поздно.

Оружейник осмотрел трещину ногтем, ничего не сказал и дал мне другую. В глазах Освальда появилась первая осторожность. Едва заметная, но для начала годилась и она.

Со двора вошёл Павел Сальк, прижимая к груди дощечку с накладной. Сын грузчика помогал мне с записями и поручениями, но сохранил раздражающую привычку спрашивать, зачем взрослый человек в теле мальчишки снова лезет туда, где его могут ударить. О моей первой жизни он, конечно, не знал. Раздражающую часть освоил самостоятельно.

— Маттис, Бруно велел сверить число тычков до темноты, — начал Павел и только потом увидел палки. — Что вы делаете?

— Дядя проверяет товар перед дорогой.

— Какой товар?

— Меня.

Павел посмотрел на Гаврилу.

— Ему двенадцать.

— Я помню, — ответил дядя.

— А Освальду тринадцать. И он тяжелее тебя чуть не вдвое.

— Не вдвое, — возразил Освальд.

— Какая забота, — сказал я. — Значит, всё честно.

Павел не улыбнулся.

— Если ты сломаешь руку, мы никуда не поедem.

— Если он сломает руку во дворе, — сказал Гаврила, — на дороге мне придётся меньше удивляться.

Это прозвучало жестоко, но я понимал его логику. В первой жизни у меня было взрослое тело, привычное к падениям, долгим переходам и чужому весу. Здесь два года упражнений вернули точность движений, но не массу. Я вытянулся, окреп и перестал выглядеть ребёнком,

которого меч тащит за собой. Это не делало меня взрослым. Просто теперь люди смеялись после первого взгляда, а не сразу.

Мышечная память тоже оказалась обманчивым названием. Помнили не мышцы — помнил я. Тело получало приказ, который когда-то выполняло другое тело: с более длинными руками, иным центром тяжести и лёгкими, способными пережить несколько минут бешеного темпа. Иногда движение выходило чистым. Иногда я промахивался на ширину ладони и чувствовал себя командиром, который привёл старую карту в новый лес.

— До первого падения, — решил оружейник. — По голове не бить. По кистям не рубить. Кто ослушается, платит за лечение и больше во двор не входит.

— У него есть деньги, — заметил Освальд.

— У тебя нет, — ответил мастер. — Потому слушай внимательнее.

Юноши засмеялись уже над ним. Освальд покраснел и шагнул в круг.

Я встал напротив. Палку держал правой рукой, хотя в короткой работе левой мне было удобнее. Освальд это знал. Когда-то во дворе он специально выворачивал мне левую кисть, заставляя поднимать рассыпанные Юргеном вещи правой.

— Всё ещё прячешь левую? — спросил он.

— Всё ещё нуждаешься в чужих руках, чтобы победить младшего?

Улыбка исчезла.

Гаврила произнёс моё имя негромко:

— Маттис.

Предупреждение я услышал. Отступить было поздно, но можно было хотя бы не превращать проверку в месть.

Оружейник хлопнул ладонью по щиту.

Освальд не стал кружить. Сразу ударил сверху, коротко и без лишнего замаха. Я ушёл вправо, подставил палку и почувствовал, как толчок проходит через локоть в плечо. Второй удар пришёл сбоку. Я отбил его, третий пропустил по рёбрам.

Воздух вышел из груди вместе с самоуверенностью.

Я отступил, пытаюсь вернуть дыхание. Освальд не дал. Прижал серией быстрых ударов, заставил закрыться и толкнул плечом.

Земля ударила в спину.

Несколько мгновений я видел только мутное небо между крышами. Потом вернулся звук: тяжёлое дыхание Освальда, чей-то смехок, ругань кузнеца за стеной.

— Первое падение, — объявил мастер.

Освальд опустил палку.

Он не торжествовал. Это было хуже. Смотрел сверху с удовлетворением человека, которому мир вернул привычный порядок.

— Четыре, — сказал он. — Я умею считать до четырёх.

Я приподнялся на локте. В боку горело, ладонь ободрал о песок, а гордость требовала немедленно доказать, что всё произошло случайно.

Гордость вообще любит отдавать приказы, за которые расплачивается тело.

— Вижу, — ответил я. — На пятом сбился.

Он нахмурился.

— Ты упал.

— Потому и успел сосчитать.

Павел протянул мне руку. Я хотел встать сам, но принял помощь. Отказ был бы представлением для зрителей, а мне требовалось понять ошибку.

Она оказалась простой и неприятной: я ждал от Освальда школьной драки. Он же полгода учился у оружейника и просился в вечерние обходы при отцовском десятке. Стал быст-

рее, убрал широкий замах и научился давить весом. Пока я помнил мальчишку, он успел измениться.

Гаврила протянул мне карту.

— Теперь видел, как он бьёт?

— Видел. К плечу подпустил зря.

Дядя отпустил лист. За спиной Освальда один из учеников тихо засмеялся. Мне захотелось ударить его тоже — исключительно ради полноты обучения.

— Ещё раз, — предложил Освальд.

Я потёр ушибленный бок. Принять те же правила означало снова дать ему сделать то, что он делает лучше. Отказаться сейчас было разумно. Уйти с его довольной улыбкой за спиной — невыносимо.

— До касания в грудь. Без толчков, в круге, — сказал я. — За линию обеими ногами — проигрыш.

— Чтобы мне руками не пользоваться?

— Палку оставлю. Щедрость у меня ограниченная.

Освальд посмотрел на мастера. Тот дождался кивка Гаврилы, велел принести верёвку и сам выложил круг. Второй бой никто не навязывал: я попросил его, чтобы проверить свой способ и поквитаться. Вторую причину было особенно неприятно признавать.

Пока остальные спорили о границе, Павел подошёл ближе.

— Ты ведь не ради правил вернулся.

— Ради них тоже.

— Он сильнее.

— Это мы установили опытным путём.

— Маттис.

Павел редко сердился на меня открыто. Обычно задавал вопрос и ждал, пока я сам услышу неприятный ответ. Сейчас он понизил голос:

— Я не хочу опять тащить тебя домой, — сказал Павел. — Ты лёгкий, пока не начинаешь объяснять, как тебя правильно нести. Потом просто невыносимый.

Я посмотрел на Освальда. Тот проверял узел верёвки ногой, делал вид, что не следит за нами, и следил.

— До плеча его не подпущу. В прошлый раз ждал удара, теперь буду двигаться первым.

— Он тоже не заснул.

— Вижу. Потому и поменял правила. Против его веса я сегодня не выиграю, против его шага — могу.

Павел потёр край накладной большим пальцем.

— А если выиграешь, на этом и закончи. Не надо потом ещё словом добавлять. Он ведь опять полезет.

Я хотел отмахнуться, но вспомнил, как мечтал уронить Освальда перед всем двором. За палку, за насмешку, за ту навозную канаву, которую моё детское тело помнило лучше многих взрослых обид.

— Постараюсь, — сказал я.

— Очень надёжное слово. Ты им обычно обещаешь вернуться к обеду.

Павел отошёл к скамье. Он не верил, что я остыл, и в этом был прав. Зато теперь я точно знал, какую победу хочу: закончить по команде и уйти на своих ногах. Всё остальное могло подождать.

Мастер развёл нас к краям круга. Освальд держал палку обеими руками, выставив конец вперёд. В первом бою ему хватало одной, теперь он решил не оставлять мне лёгкой цели у кисти. Учился быстро. Это делало его опаснее и интереснее.

— Касание в грудь, — напомнил оружейник. — Или две ноги за верёвкой. После команды остановились. Кто продолжит, получит от меня.

Он показал тяжёлый кожаный ремень, которым крепил щит. Спорить никто не стал.

Хлопок.

Освальд двинулся осторожнее, чем прежде. Я тоже не атаковал. Он проверил мою защиту коротким ударом, шагнул влево, заставляя разворачиваться больным боком. Я уступил половину шага.

Он повторил.

В первом бою я принял его за прежнего Освальда. Теперь он принимал меня за прежнего меня — того, который уже попался под давление и не выдержал толчка.

Разница состояла в том, что свою ошибку я ему показал. Его ошибку пока оставил при себе.

Третий удар пришёлся по моей палке. Я ответил в плечо, намеренно не дотянувшись. Освальд увидел короткую руку, прибавил шаг и заставил меня отойти к верёвке.

Кто-то за спиной присвистнул.

Ещё шаг — и пятка коснулась пеньки. Освальд заметил. В его лице появилась та особенная сосредоточенность, за которой уже видна будущая радость. Он ударил сверху, я закрылся, и дерево звякнуло о дерево почти как сухая кость.

Руки задрожали от тяжести.

Освальд нажал палкой на палку и пошёл вперёд всем телом. По правилам толкать плечом было нельзя. Давить оружием — можно. Он нашёл границу честного быстрее, чем я ожидал.

Левая ступня оказалась за кругом.

— Одна! — крикнул кто-то.

Одна нога ещё ничего не решала. Чтобы проиграть, я должен был вынести вторую. Чтобы остаться, требовалось шагнуть вперёд — прямо под массу Освальда.

Он знал это. Зрители знали. Поэтому никто не заметил, что за два предыдущих отступления я развернул нас: теперь под правой ногой Освальда лежал край верёвки, а за спиной темнело мокрое место возле бочки.

План был прост. Простые планы хороши тем, что после удачи кажутся очевидными.

Я ослабил руки.

Освальд ожидал сопротивления и на мгновение провалился вперёд. Я не стал мериться силой: отвёл его палку в сторону и проскользнул мимо плеча вправо — туда, где земля была сухой. Толкать не понадобилось: лишний шаг он сделал сам.

Он развернулся за мной. Правая ступня зацепила верёвку, левая попала в разлитую воду.

Освальд не упал. Взмахнул руками, удержался и даже успел усмехнуться.

Обе его ноги стояли за кругом.

— Стой! — приказал оружейник.

Я уже опустил палку.

Освальд не остановился.

Его оружие пошло снизу вверх мне в грудь. Не учебное касание — злой удар после проигрыша. Я успел отвести корпус, но палка скользнула по плечу. Освальд шагнул обратно в круг и замахнулся ещё раз.

Гаврила оказался между нами.

Он не вырвал палку и не схватил Освальда. Просто поднял предплечье, принял удар на толстую кожу наруча и посмотрел юноше в глаза.

Во дворе стало тихо.

— Команду слышал? — спросил дядя.

Освальд тяжело дышал. Его лицо пошло пятнами.

— Он схитрил.

— Это не ответ.

— Слышал.

— Почему продолжил?

Освальд стиснул зубы.

— Он меня выставил дураком.

Мне хотелось сказать, что с этой работой он справился без помощи. Хорошая реплика уже лежала на языке. Павел смотрел на меня, и я проглотил её.

Я уже выиграл второй бой. Ещё одна насмешка превратила бы его в начало третьего — только без мастера, верёвки и запрета бить по голове.

— Я заманил тебя к краю, — сказал я. — Ты в первом бою сделал то же самое со мной, только без верёвки.

Освальд перевёл взгляд на меня.

— Ты нарочно отступал?

— В этот раз — да.

— А в первый?

— В первый ты меня уронил.

Признание далось тяжелее, чем падение. Зато вернуло происходящему правильные размеры: два боя, две разные задачи, по одной победе каждому.

— Значит, ничья? — спросил младший ученик.

— В первом упал Маттис, во втором Освальд вышел за верёвку, — ответил оружейник. — Ты на это смотрел или опять сапогом землю ковырял? Ремень подтяни, сейчас твоя очередь.

Он забрал палку у Освальда.

— На сегодня хватит.

Юноши разошлись не сразу. Им хотелось понять, кому теперь разрешено смеяться. Но мастер отправил двоих убирать щиты, третьего — за водой, остальных заставил снова взять учебные палки. Чужая драма закончилась, началась собственная работа.

Освальд поднял с земли мою куртку. Несколько мгновений держал её так, будто мог бросить в лужу и вернуть нас обоих в прежние времена.

Потом протянул мне.

— Через месяц, — сказал он.

— Что через месяц?

— Без круга. До падения.

— Через два.

— Боишься?

— Разумеется. Мне нужна равная рука, а не сломанная. За два месяца я стану тяжелее.

— На сколько?

— Будем посмотреть.

Освальд фыркнул. Почти рассмеялся, но вовремя вспомнил, что вокруг ещё смотрят.

— В школе скажут, что я тебя уронил.

— Скажут.

— И что ты выставил меня за верёвку.

— Если хватит смелости рассказать обе половины.

Он снова напрягся. Потом медленно кивнул:

— Расскажу обе.

Это не было извинением за канаву, обещанием дружбы или внезапным исправлением характера. Освальд просто заключил первую честную сделку, в которой платой служила правда о двух поражениях. Для него это могло оказаться труднее любой драки.

— Тогда через два месяца, — сказал я.

— Через полтора.

— Семь недель.

— Идёт.

Он ушёл к стойке со щитами. По дороге один из младших что-то шепнул ему про купеческого щенка. Освальд остановился. Я приготовился услышать приказ, после которого мальчишки снова будут ловить меня в переулках.

— Заткнись, Лембит, — сказал он. — Сначала научись стоять в круге.

Только и всего.

Лембит замолчал. Освальд не посмотрел в мою сторону, но и собственным рассказчикам не позволил сделать из меня лёгкую добычу. Для меня пока хватало и этого. Про старую канаву мы ещё не говорили.

Мы вышли во двор кузницы. Павел шёл рядом и сердито прижимал накладную к груди.

— Бруно нас убьёт, — сказал он. — Я обещал привезти тебя к сверке. Целиком обещал.

— Сначала сверит. У него даже убийство без описи не получится.

— Не смешно. Мне отвечать.

Павел так сердито прижал дощечку к груди, что я перестал улыбаться.

— Скажу, что задержал тебя сам. И вечером больше никуда не полезу.

— Хоть раз бы сказал это до того, как полез.

Гаврила шёл по другую сторону. У ворот он помог мне подтянуть пояс, за которым уже лежала возвращённая карта, и придержал за здоровое плечо.

— Второй бой видел весь. Начал думать ногами — сразу руки освободились. На занятиях закрепим.

Я ждал привычного «но». Дядя проверил застёжку плаща и зашагал дальше.

— Это он меня похвалил? — спросил я у Павла.

— Записать?

— При двух свидетелях. Потом скажет, что не было.

Павел всё-таки улыбнулся. Бок болел, зато я помнил не только падение. Помнил, как успел заметить опору, уступить нажим и повернуть бой. Теперь требовалось научиться делать это до того, как мне пересчитают рёбра.

У склада Бруно мы застали Дитера Роозе. Бывший приятель Юргена сидел на перевёрнутой корзине и делал вид, что пришёл случайно. После школьной войны он продавал мне слухи за мелкую монету, но дружбой это не называл. Дитер вообще предпочитал отношения, из которых можно выйти раньше, чем начнут бить.

— Освальд всем рассказывает, что уронил тебя, — сообщил он вместо приветствия.

— Быстро работает.

— Ещё рассказывает про верёвку.

— Обе половины, значит.

Дитер покосился на мою испачканную рубаху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.